

Иллюзия свободы выбора

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

Для политического устройства страны предвыборная кампания и сами выборы федерального масштаба подобны плановому медицинскому осмотру для человека, считает Евгений Сапиро. Сам он подвергся этой процедуре четыре раза, причём с переменным успехом: в 1994 и 1997 годах победил на выборах в Законодательное собрание Пермской области, по итогам избирательных кампаний 1990 года в Верховный Совет РСФСР и 1999 года в Госдуму желаемые мандаты не получил. Наблюдая за процессом подготовки к выборам 18 сентября, профессор уверенно диагностирует состояние российского внутривыборного организма.

В СССР ещё в начале 1930-х годов правящая коммунистическая партия создала и шесть десятилетий жёстко сохраняла свою конструкцию выборов в государственные органы власти. Конструкция была незатейлива и работоспособна, как деревенский туалет в одно «очко» с выгребной ямой. Партийные органы назначали наиболее достойных, по их мнению, кандидатов в депутаты от «единого блока коммунистов и беспартийных». Достойные, не имея конкурентов, тем не менее поддерживались всей мощью государственного силового и пропагандистского аппарата. В процессе голосования и подсчёта голосов при неофициальной поддержке тех же партийных комитетов практиковались мелкие «шалости»: вброс бюллетеней с целью обеспечить минимально приличные для той эпохи проценты явки избирателей и голосов «за». Например, на выборах в Верховный Совет СССР в 1954 году явка составила 99,98%, голосование — 99,84%.

В 1980-е годы «уровень приличности» чуть снизили (до 93–95%).

При нулевой демократичности выборного процесса власть всегда стремилась создать иллюзию всеобщей свободы выбора. Народное большинство в это почти верило (или делало вид, что верило). Но стоило в процессе перестройки, затеянной в конце 1980-х годов Михаилом Горбачёвым, партии и правительству чуть ослабить мёртвую хватку, как система рассыпалась в хлам: выборы стали конкурентными, в число кандидатов попали те, кого ещё пару лет назад называли антисоветчиками, многие из них выиграли у номенклатурных конкурентов, поддерживаемых властью.

Слова «система рассыпалась в хлам» пишу не только на основании пресной статистики. Этот процесс мне довелось наблюдать изнутри. В 1987 году, став академическим начальником среднего ранга, я попал в соответствующую номенклатурную обойму и был «на-

значен» в районные депутаты. Но уже через два года принял участие в острейшей борьбе за мандат народного депутата РСФСР. Как говорят одесситы: «Две большие разницы!»

Выборы 1990 года на моей памяти оказались самыми свободными, честными и наивными. Если в 1989-м за мандат народного депутата СССР без благословения КПСС решались бороться единицы, то теперь в каждом избирательном округе таких кандидатов оказалось до пяти–восьми. Мало кто из избирателей догадывался, что на свете существует профессия «политтехнолог», но на выборные митинги стихийно приходили тысячи людей. Слова, ещё недавно произносимые с придыханием, типа «секретарь обкома», «председатель исполкома» стали ругательными, а обладатели этих званий на финише выборов проиграли рядовым и безденежным критикам власти: инженерам, учителям, журналистам, «зелёным» активистам.